

В. Я. Кирпотин

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПУШКИНА¹

Жизнь и творчество Александра Сергеевича Пушкина относятся к первой трети XIX столетия. Это было время, когда в главнейших странах Европы в сложном переплете исторических событий капитализм и его идеология восторжествовали над феодализмом и наиболее острыми проявлениями средневековой идеологии. В России же только начинали складываться силы, которые вели борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Деятельность Пушкина относится к периоду, озаглавленному деятельностью дворянских революционеров-декабристов. Как и декабристы, как и Герцен, как впоследствии в 60-е годы демократы-разночинцы, Пушкин, выражая зреющие потребности народного развития, много брал из передовой идеологии Запада, ушедшего тогда вперед по сравнению с Россией. В России началась критика самодержавно-крепостнического режима. Эта критика облегчалась влиянием передовых мыслителей западно-европейского просвещения. Пушкин, с детства владевший французским языком, жадно зачитывается произведениями мыслителей, подготовившими идеологическое вооружение французской революции конца XVIII в. На него оказывают влияние и философы и писатели просвещения.

В смысле и значении жадно впитываемой им идеологии Пушкин отдавал себе полный отчет. «Между тем дух исследования и порицания, — писал Пушкин в статье, озаглавленной «О русской литературе с очерком французской», — начинал проявляться во Франции. Философия XVIII в. «была направлена против господствующей религии... и любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная... Влияние Вольтера было неимоверно. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его внимание своими приношениями. Умы возвышенные следуют за

¹ Доклад на Торжественной Пушкинской сессии Академии Наук СССР 13 февраля 1937 г.

ним. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидерот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальпола приветствует энциклопедию, Екатерина вступает с ним в дружескую переписку, Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа едет в Ферней на поклонение. Наконец, Вольтер умирает, с восторгом благословляя внука Франклина и приветствуя новый свет словами, дотоле несслыханными.

Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным.

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Франциею на поприще философии...» («Пушкин-критик», стр. 336).

Пушкин усвоил освободительный пафос просвещения XVIII в. Для него философия не была отвлеченной доктриной. Как и для великих мыслителей XVII и XVIII вв., философия для него была тесным образом связана с нравственностью и политикой. Она должна была помочь перестроить и общественную жизнь и быт на новых свободных началах.

Вот почему поэзия Пушкина всегда играла освободительную роль. Философия была для Пушкина не отвлеченным делом замкнутой школы, а живым интересом жизни, политики и литературы. Оттого-то мировоззрение Пушкина, передовое и глубокомысленное, так непринужденно и естественно наполняет атмосферу его стихов и его прозы. Пушкин никогда не упражнялся в дидактической и образовательной поэзии. Но дух просвещения в его творчестве выражен полнее и глубже, чем во многих и многих тяжеловесных трактатах.

С легкостью и изящностью гения, овладевшего предметом, он дает стихотворную формулировку теории познания века, уверенного во всемогуществе разума:

Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
 Пред солнцем бессмертным ума.
 Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Рисунок Пушкина, 1826 г. Пестель.

Начиная с Декарта и Спинозы, рационалистическая философия восходящей буржуазии верит в аподиктичность истины, верит, что истинное познание одной силой своей наглядной достоверности и убедительности побеждает невежество, заблуждение, незнание. Всю суть долгого философского пути, прокладывавшегося в боях с церковью и с суеверием, Пушкин выразил в пяти стройных строках, причем так выразил, что ни один мыслитель не мог бы к ним придраться с точки зрения философской точности и последовательности того времени.

Как у всех рационалистов материалистического направления, вера во всемогущество разума соединяется у Пушкина с признанием силы опыта, индуктивно исследующего многообразие земного шара.

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт...

— писал он в одном незаконченном отрывке.

Для Пушкина мир был принципиально познаваем, ясен и открыт для ищущего, исследующего разума. Он знал, что на земле еще много непознанного, неоткрытого — но он также твердо знал, что в мире нет мистической изнанки, где копошатся какие-то будто бы таинственные силы, стоящие вне постижения человеческого разума. Внутреннее обнаруживается во внешнем, бога нет, мир материален и управляется не божьим произволом, а естественными законами. Пушкин высмеивает и преследует религиозное представление о мире.

Пушкину многое не нравилось в окружающем мире, но его мечты и желания сосредоточивались здесь, на земле, а не в мистических обетованиях церкви или идеалистической философии.

Когда Пушкин в порыве страсти обращается к усопшей возлюбленной, он обнаруживает материалистическую человечность[?] своих чувств. Он не стремится к усопшей тени, а, наоборот, он хотел бы умершую вновь вернуть к себе, в реальный мир:

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомнением мучусь... но тоскуя

Хочу сказать, что все люблю я,
 Что все я твой: сюда, сюда!

(«Заклинание»).

В смелых стихах «Гаврилиады» Пушкин превращает евангелие и христианство в смешное и глупое суеверие, достойное только осмеяния перед лицом разума. Рационалистическая смелость мыслителя, соединенная с вольностью эротической поэзии, пародийная торжественность в сочетании с реалистической трезвостью дают поразительный по силе эффект. Вот изображение обуреваемого земной любовью Саваофа:

И ты, господь! познал ее волненье,
 И ты пылал, о боже, как и мы,
 Создателю постыло все творенье,
 Наскучило небесное моление, —
 Он сочинял любовные псалмы
 И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
 В унынии бессмертие влачу....
 Где крылья? К Марии полечу
 И на груди красавицы почую!...»
 И прочее... все, что придумать мог.
 Творец любил восточный пестрый слог.

И с пушкинской экономностью и ясностью, без назойливого подчеркивания, как бы мимоходом, поэма внедряет в сознание читателя свою основную мысль — результат долгой борьбы научного материалистического взгляда на мир с тысячелетиями религиозного суеверия. Влюбленный бог, вседержитель мира, забросил все дела:

Весь мир забыл, не правил он ничем —
 И без него все шло своим порядком.

Бог, религиозно-идеалистические взгляды о провидении, о промысле божием и т. д. — все это только невежественный и реакционный вымысел. Мир на деле идет своим порядком по законам природы, не имеющим ничего общего с религией.

Материалистические начала в мировоззрении Пушкина не были привеском к общему строю его мыслей и чувств. Они пронизывают все его творчество, они окрашивают и его задушевнейшие лирические стихи.

В стихотворении «Легенда» земная страстная любовь к мадонне противопоставляется Пушкиным аскетически-религиозному поклонению богоматери. Оно — дерзкий вызов учению церкви. Верность и

настоянство поклонения рыцаря мадонне объясняется материалистическим, человеческим характером его чувства. Естественная человеческая любовь оправдана и превознесена над религиозной, которая тонко высмеяна — когда влюбленный рыцарь умер без причастья. бес хотел утащить его душу в преисподнюю:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Целый век-де волочился
Он за матушкой Христа.
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

(«Легенда»).

Сюда, сюда — здесь, на земле, сосредоточивалось для Пушкина все богатство мира, жизни, человека. Потусторонний мир для него только фантом, только иллюзия непросвещенного невежественного воображения.

Материалистический и атеистический взгляд на мир с логической необходимостью исключал у Пушкина уозсть субъективизма, делающего и в теоретическом и практическом отношении мир только следствием мыслящего и чувствующего эгоиста. Пушкин вдосталь нагляделся на современного ему человека.

С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом!

(«Евгений Онегин»).

Себялюбие, эгоизм, превращение личности в маленького Наполеона, центр вселенной, шуп земли — всегда вызывало отвращение у Пушкина. Эгоистический субъективизм Пушкин клеймил многократно самым острым своим оружием — поэтическим словом и поэтическим образом. Алеко из «Цыган» осужден Пушкиным за то, что он для себя лишь хочет воли. Первая отрицательная черта Онегина, как рисует его Пушкин, это — эгоцентризм, неумение и нежелание понять, что он только момент в бесконечном бытии, только звено в бесконечной цепи других существ. Философский объективизм Пушкина объясняет нам и его отношение к Байрону, произведениями которого он увлекался во время своей южной ссылки.

Рисунок Пушкина. Евгений Онегин.

В своем противопоставлении личности и общества Байрон впадал в необузданный субъективизм. Его герои — гордые, надменные люди, эгоисты, презирающие остальных людей, чувствующие над ними свое превосходство. Байрон — пессимист. Он считал невозможным разрешить удовлетворительным образом столкновение между личностью и обществом, он считал невозможным достижение счастья на земле.

Пушкин усвоил протестующую сторону поэзии Байрона. Герои его южных поэм также одинокие разочарованные, гордые люди. Но между Пушкиным и Байроном есть чрезвычайно важное коренное различие в пользу Пушкина. Пушкин — оптимист, он протестует против гнета и несовершенства общественного строя во имя счастья всех людей и верит, что это счастье достижимо на земле. Себялюбие и эгоизм своих разочарованных героев он считает не положительным, а отрицательным качеством. Пушкин требует равенства во взаимоотношениях между людьми. Он осуждает счастье и благополучие одного, достигаемое за счет других людей, за счет превращения других людей в средство для целей одного. Пушкин как материалист по основным тенденциям своего мировоззрения признает независимое от сознания отдельной личности существование объективного мира; он понимает, что каждый человек занимает в нем только свое определенное место, что каждый человек может быть счастлив только среди других людей и вместе с другими людьми.

Пушкин сознает свою личность в связи с миром и другими людьми.

Пушкина не пугала вечность, смерть не ужасала его. Он не видел противоречия между конечностью человеческой жизни и бесконечностью природы. Смерть, если она приходит в конце радостной и удовлетворенной жизни, есть лишь завершающий беспробудный сон, встречаемый человеком со спокойным сознанием неизбежного.

Смерть одного есть скорбь, но она не останавливает жизни, не лишает других возможности радоваться и наслаждаться. В самой мысли о смерти видно, как Пушкин любит землю: светило дня, небесную завесу, немую ночь мглу, денницы сладкий час, знакомые холмы, ручья пустынный глас, безмолвие таинственного леса. Примирение с неизбежностью смерти у Пушкина не результат аскетического отрицания прелести земной жизни или искусственного и напряженного замалчивания имени умерших. Пушкин хочет жить в памяти друзей, ему приятно сознавать, что его возлюбленная вздохнет над его гробовой урной. Мужество перед лицом смерти он находит в мысли о вечности человеческого рода, об объективной, независимой от отдельного существования ценности других людей, других поколений.

Он рад молодой поросли, поднявшейся около знакомых ему трех сосен в Михайловском за время его десятилетнего отсутствия:

Здравствуй, племя,
 Младое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучий поздний возраст,
 Когда перерастешь моих знакомцев
 И старую главу их заслонишь
 От глаз прохожего. Но пусть мой внук
 Услышит ваш приветный шум, когда,
 С приятельской беседы возвращаясь,
 Веселых и приятных мыслей полон,
 Пройдет он мимо вас во мраке ночи
 И обо мне вспомянет.

(«Вновь я посетил»).

Человек умирает, мир, природа, люди остаются.

Материалистическое и атеистическое мировоззрение Пушкина почти полностью предохранило его от воздействия реакции, восторжествовавшей в Европе вместе со священным Союзом, а в России также победившей надолго после разгрома декабристов. Под конец жизни Пушкина, в результате травли, одиночества, безнадежности, в его поэзии проявляются религиозные мотивы. Но даже это обстоятельство, казалось бы находящееся в таком разительном противоречии с «Гавриилиадой», не может изменить общего тона творчества Пушкина — посюстороннего, земного, материалистического, реалистического. Мало того, если говорить о мировоззрении Пушкина в терминах историко-литературных, а не философских, то придется отметить, что реализм его творчества нарастал непрерывно вплоть до самой его гибели.

Пушкин относился отрицательно к немецкому классическому идеализму, ему претили идеализм и метафизика. «Ты пеняешь мне за «Московский вестник» и за немецкую метафизику, — писал он А. А. Дельвигу. — Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями...»

Относясь отрицательно к немецкому идеализму, не понимая всего значения зарождавшейся в идеалистической форме диалектики, Пушкин обладал настолько широкой философской головой, что все же разглядел положительное методологическое значение немецкой фило-

софии, разглядел в ней противоядие против все рассыпающего, все разъединяющего на отдельные частности эмпиризма. Пушкин ставил девятнадцатый век ниже чем XVIII столетие за его политическую и умственную реакцию, за идеализм и субъективизм. Однако, несмотря на это, Пушкин написал следующие слова в статье «Мнение Лобанова»:

«Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком, мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно».

Отрицательное отношение Пушкина к идеализму и субъективизму, его сопротивление нарастающей реакции дают нам ключ к его пониманию романтизма, вызвавшему в обширной литературе о Пушкине большое количество разноречивых отзывов и толкований.

Под романтизмом Пушкин понимал свободу вдохновения — и только. Школа романтическая «есть отсутствие всяких правил», — писал он. Романтизм разрушал застылые, враждебные естественности и правде, правила ложноклассицизма. Романтизм по сравнению с ложноклассицизмом был шагом вперед к реализму. Пушкин ценил романтизм за эти прогрессивные стороны его. Общепринятое же идеалистическое истолкование романтизма Пушкин отвергал. «Французские критики, — писал он, — имеют свое понятие о романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать унынья или мечтательности». А унынье и мечтательность, т. е. пессимизм и идеализм были для Пушкина неприемлемы. Не идеалистическую субъективность, а реалистическую верность действительности в противоположность условной неестественности классицизма искал Пушкин у романтиков.

Пушкин тщательно ограничивает романтизм формальной стороной, которая для него приемлема и важна. Идеалистически-субъективистский дух романтизма Пушкин отвергал. Отношение Пушкина к романтизму лишний раз доказывает, что поэт устоял перед идеологической реакцией послереволюционной Европы, Европы времен реставрации. Поэтому-то Пушкин и заявлял в такой категорической форме: «Я в душе уверен, что XIX век, в сравнении с XVIII, в грязи».

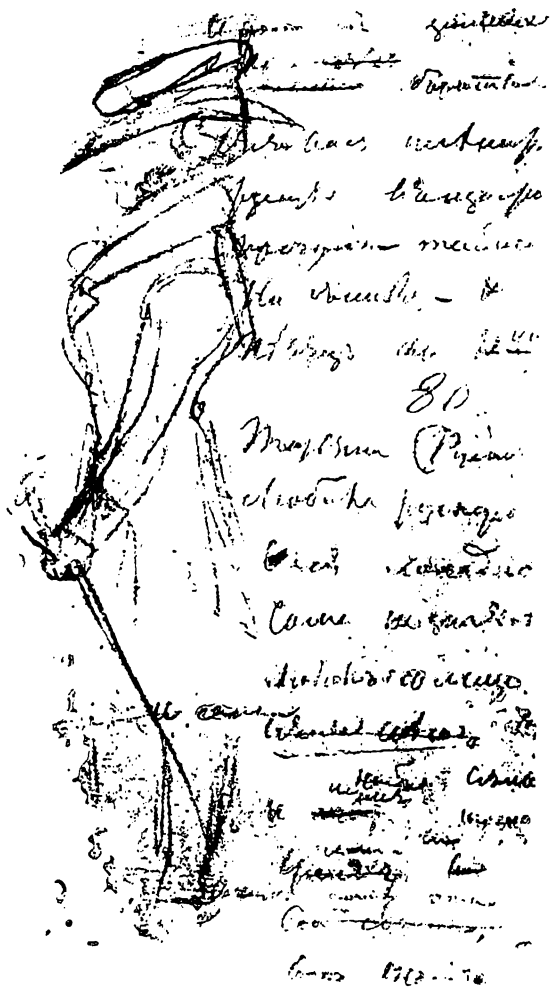

Рисунок Пушкина, 1826 г. Автопортрет

Опираясь на романтизм, Пушкин обогатил свое материалистическое и реалистическое мировоззрение историзмом, интересом к народным особенностям страны и пониманием диалектики человеческих характеров.

Круг исторических интересов Пушкина был обширен и разнообразен. Он понимал, что без знания прошлого невозможно понять настоящее и предвидеть будущее. Он интересовался и историей литературы и историей в общем смысле. Он изучал историю древнего мира и современных ему государств, историю стран, сословий и учреждений, историю России и историю других народов, входивших в состав Российской империи. История для Пушкина не была средством уйти от современности. Наоборот, современность он старался лучше понять через историю. Поэтому он от внимательного наблюдения современных ему крестьянских восстаний перешел к изучению истории восстания Пугачева. В движении Пугачева он открывал обобщающий смысл разрозненных крестьянских бунтов современности. В реформах Петра Великого Пушкин видел назидательный пример для Николая I. Изучение деятельности Петра имело для Пушкина не академический интерес, оно было продиктовано актуальнейшими вопросами современной политики. Точно так же и к Смутному времени Пушкин обратил свои взоры не случайно, не по капризу гения. У Пушкина жило сознание непрочности современных ему политических и социальных отношений. Он знал, что под ногами самодержавно-крепостнического общества бушует огненный пожар народного недовольства, едва прикрытый снаружи, вот-вот грозящий испепелить танцующих на вулкане. От этого сознания Пушкин, естественно, обращался к Смутному времени, одному из самых драматических, самых революционных периодов в прошлой нашей истории.

Тема «Бориса Годунова» — это тема власти и народа, и идея его — идея непрочности всякой власти, не опирающейся на общественное и народное мнение. Пушкин был истинно историчен. Он вовсе не искал в прошлом аллегорий, аналогий и схем всегда натянутых. Он стремился к «верному изображению лиц, времени, развития исторических характеров и событий». Реалистическое, непредвзятое изображение прошлого лучше помогает правильному уразумению современности, чем любая аллегория. Поэтому Пушкин мог без особых натяжек написать в набросках предисловия к «Борису Годунову»:

«Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображенный. Француз пишет свою

трагедию с *Constitutionnel* или с *Quotidienne* перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Суллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От его затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что кроме Эсфири и Вероники нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в Британнике смелый намек на увеселения двора Людовика XIV. Но вероятно ли, чтоб тонкий придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав свои прекрасные стихи, был исполнен Тацитом духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Вальполь (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае».

Конечно, Пушкин стремился из боязни преследований снять с себя ответственность за «применения», за попытки истолковать «Бориса Годунова» как иносказание о современности. Но против аллегоричности, против предвзятого схематизма, нарушающих историческую правду, Пушкин восставал совершенно искренне. «Драматический поэт, — писал Пушкин в заметках о «Марфе Посаднице» Погодина, — беспристрастный, как судьба, должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине».

Историзм выгодно укреплял и усиливал реалистическую объективность пушкинского мировоззрения в вопросах социальных. То же самое следует сказать и о требовании народности, которое Пушкин предъявлял к искусству. Стремление к народности увеличивало конкретную наполненность, реалистическую насыщенность пушкинского творчества. Известно, с каким вниманием изучал Пушкин русскую народную словесность, язык, нравы и обычаи русского народа.

В пушкинском понимании понятия «народность» опять-таки обнаруживаются широта и свобода его мировоззрения. Он высмеивал литераторов, которые понимали под народностью выбор предметов

из отечественной истории или употребление простонародных выражений. «Есть образ мыслей и чувствований, — объяснял он, — есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и менее отражается в зеркале поэзии».

Пушкина, по его мировоззрению, по его теоретическим взглядам нельзя, конечно, назвать диалектиком, но в творческой практике он гениальным пониманием художника-реалиста дал не один пример диалектической разработки своих тем. Где особенно проявлялись диалектические черты в понимании Пушкиным действительности — так это в трактовке человеческих характеров! Он никогда не подходил к человеческой психологии, как к чему-то однолинейно-упрощенному, схематическому. Шекспира, как художника характеров, он ставил неизмеримо выше, чем Байрона.

«...Что за человек этот Шекспир? — писал Пушкин Н. Н. Раевскому, — не могу притти в себя! Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! Байрон, который постиг всего-навсего один характер (именно свой собственный)... разделил между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою меланхолию и т. д. и таким образом из одного характера, полного, мрачного и энергичного, создал несколько характеров незначительных, — это уже вовсе не трагедия. Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый на свой образец, — читайте Шекспира».

Пушкин чувствовал отвращение к однолинейным выпяченно-односторонним характерам:

«Чем больше думаю, тем сильнее чувствую, какой отвратительный предмет для художника в лице Мазепы! Ни одного доброго, благородного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, — вот что увлекло меня. «Полтаву» написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все».

Реализм Пушкина не был просто результатом его гения. Реализм Пушкина находится в тесной зависимости от его мировоззрения. Реализм Пушкина вырос и окреп на основе любви и внимания к конкретной действительности, а эти свойства его были результатом материалистического по своему духу мировоззрения, признававшего ценность объективного мира, укрепленного изучением истории, народных особенностей и человеческих характеров.

Мировоззрение Пушкина было для своего времени передовым, прогрессивным. Гений Пушкина мужал и развивался не в уединении от общественных движений, а на гребне общественного подъема первой трети XIX в. Он питался живым еще тогда влиянием идеологических потоков, подготовивших французскую революцию, он рос на революционном подъеме 20-х годов в России и Европе. А после разгрома декабристов Пушкин вовсе не попадает в общее движение реакции, охватившее не только правительство, но и широкие общественные круги. Сложными и извилистыми путями он начинает отражать в своем творчестве самые первоначальные, молекулярные процессы нового революционного подъема, в зрелом виде озаменованного уже деятельностью русских просветителей-шестидесятников.

Прогрессивность мировоззрения и творчества Пушкина объясняют нам общенациональное значение его гения, его гуманность, его уважение ко всякой человеческой личности, даже если это был тогда презираемый и третируемый крепостной мужик.

Пушкин резко выделялся из окружавшего его общества своим отношением к мужику. Для Пушкина крестьянин был не менее человеком, личностью, чем любой представитель господствовавших классов. Даже Пугачев, к тактике которого поэт относился отрицательно, как человек изображен положительными красками. Пугачев у Пушкина сметлив, смел, помнит добро, держит себя с огромным достоинством перед победившими его царскими военными. Господствующие классы изображали крестьянских революционеров обычно в виде каких-то потерявших человеческий облик диких зверей. Пушкин и в своих художественных произведениях, и в публицистических высказываниях объяснял эксцессы бунтовавших крестьян жестокостью помещиков.

Сочувствие низам было осознанной чертой пушкинского гения. Свое право на бессмертие поэт обосновал не только эстетической ценностью своего творчества, но и строками «Памятника»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Добрые чувства, о которых писал Пушкин, не следует понимать в узко-психологическом смысле. Они включали в себя поэтическую проповедь политического и социального раскрепощения.

Вера в объективную ценность мира и людей, демократические струи в мировоззрении и творчестве Пушкина наполняли его стихи

и прозу чувством доверия к будущему, чувством оптимизма. Пушкин — один из самых величайших жизнелюбцев, которых человечество знало за всю свою прошлую историю. Никакое исследование его жизни и творчества не будет полно, если в нем не будет подчеркнута это свойство Пушкина — солнца русской поэзии. Оптимизм Пушкина не был следствием незнания и неопытности. Нет, он прошел через испытание политических преследований, через горестные предчувствия насильственной смерти, через опыт жизни в среде разволоченных холопов, среди торжествующих скотов, в стране, подавляющее и лучшее большинство населения которой было на положении рабов. И все же ни холодные наблюдения ума, ни горестные заметы сердца не могли искоренить пушкинского оптимизма. Пушкинский оптимизм — золотой мост, связывающий его надежды с нашей действительностью.

Напряженно всматривался он сквозь мглу столетий в будущее. Пушкин обладал трезвым умом. Гармоническое будущее не казалось ему слишком близким.

Рассуждая в лирическо-ироническом тоне о будущем русских дорог, Пушкин относил это будущее на пятьсот лет вперед от себя:

Когда благому просвещенью
 Отдвинем более границ,
 Современем (по расчисленью
 Философических таблиц,
 Лет чрез пятьсот) дороги верно
 У нас изменятся безмерно:
 Шоссе Россию, здесь и тут
 Соединив, пересекут,
 Мосты чугузные чрез воды
 Шагнут широкою дугой,
 Раздвинем горы, под водой
 Пророем дерзостные своды,
 И заведет крещеный мир
 На каждой станции трактир.

(«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXIII).

Успехи просвещения Пушкин связывает с промышленным и социальным прогрессом.

Через сто лет самые дерзостные мечты Пушкина исполнились более чем сторицей. Границы просвещения в нашей стране уже настолько широки, что девять десятых ее многонационального населения знают, ценят и любят Пушкина. Дороги у нас в самом деле измени-

лись безмерно. Горы раздвинуты, под водами прорыты дерзостные своды. Изменился и политический и социальный строй страны, которая живет и работает на основе завоеванной ею великой Конституции, которую народ единодушно наименовал Сталинской. Значит ли это, что оптимизм Пушкина был слаб, что он был маловером? Ни в коем случае! Это значит, что творческие силы победившей социалистической революции безмерны, это значит, что ее плодотворную силу до Маркса не мог предвидеть ни один ум человеческий, как бы он ни был велик.

Сегодня народы Советского Союза празднуют память Пушкина. В грандиозных размерах этого празднования, в его глубоконародном характере также виден и размах культурных успехов нашей родины. Сто лет тому назад Пушкин был затравлен и убит! Исчезли и развеялись в прах Александр и Николай, Бенкендорфы, Булгарины и Дантесы, исчезли и ликвидированы навсегда самодержавие, крепостничество, эксплуатация.

Но жив Пушкин, живо его слово, живо в сердцах людей, водруживших знамя социализма, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на шестой части земного шара. Скрылась тьма, взошло солнце, поэзия Пушкина стала всенародным достоянием.

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**